

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДСКОГО ЗОДЧЕСТВА

Памятники древнего новгородского зодчества издавна привлекали к себе внимание исследователей. Объясняется это как яркостью и своеобразием их архитектурного облика, так и относительно большим числом сохранившихся построек. В настоящее время на поверхности земли стоит 13 памятников новгородского зодчества XI—XIII вв., из них 10 сохранилось более или менее полностью. Ни в каком другом районе древнерусской территории нет такого количества уцелевших построек домонгольской поры. Даже блестящая владими́ро-суздальская архитектура представлена всего 9 сохранившимися зданиями, из которых лишь 4 стоят на полную высоту, включая своды. Более того, уцелевшие памятники новгородского зодчества составляют примерно $\frac{1}{3}$ всех полностью сохранившихся памятников русской архитектуры домонгольского времени.

Естественно, что новгородское зодчество изучали в основном по существующим сооружениям, а археологические раскопки играли здесь незначительную роль, хотя отдельные попытки археологического раскрытия древних новгородских зданий имели место уже в XIX в. Так, в 1884—1885 гг. Н. Е. Бранденбург полностью раскопал две церкви в Старой Ладого.¹ Позже, в 1912—1913 гг., Н. И. Репников произвел раскопки церкви Климента в той же Старой Ладого.² В самом Новгороде первые серьезные раскопки памятника архитектуры были проведены в 1933—1936 гг. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря.³ В 1940 г. была раскопана церковь Бориса и Глеба в новгородском детинце.⁴

В послевоенные годы археологическое изучение памятников древнерусской архитектуры приобрело значительный размах, но в Новгородской земле и в это время основное внимание уделяли изучению сохранившихся памятников и их реставрации, почти не прибегая к раскопкам. В связи с реставрационными задачами были выполнены исследования в Софийском соборе, у Николо-Дворищенского собора, в Пыринской церкви и некоторые более мелкие раскопки.⁵ Положение существенно изменилось лишь

¹ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896.

² Старая Ладога. Л., 1948, с. 41—62.

³ Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. — СА, 1946, VIII, с. 175—222.

⁴ Строчков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 г. — КСИИМК, 1945, в. XI, с. 65—73.

⁵ Монгайт А. Л. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. — КСИИМК, 1949, в. XXIV, с. 96; Каргер М. К. Новгород.

в 60-х гг., когда археологическое изучение памятников древнего новгородского зодчества становится более интенсивным. В 1962 г. были вскрыты остатки Успенской церкви Аркажского монастыря, а в 1965—1966 гг. — церкви Дмитрия Солунского в Пскове.⁶ Наиболее крупные раскопки в эти годы провел М. К. Каргер: в 1966—1970 гг. он археологически изучил остатки церкви Благовещения на Городище, в 1969 г. раскрыл лестничную башню церкви Бориса и Глеба в детинце и башню в нартексе Николо-Дворищенского собора, а в 1972 г. — остатки фундаментов церкви Варвары.⁷ В Старой Ладоге М. К. Каргер в 1970 г. обнаружил следы древнего памятника под зданием Никольского собора. В 1975 г. раскопки у этого собора произвел А. Н. Кирпичников, а в 1978 г. остатки древнего храма были вскрыты полностью.⁸ В процессе реставрационных работ небольшие раскопки в Новгороде вел Г. М. Штендер, обнаруживший, в частности, остатки древнего здания под церковью Федора на Щирковой улице.⁹

И все же, несмотря на оживление архитектурно-археологических исследований, размах их был явно недостаточным. Создалось парадоксальное положение: древнее новгородское зодчество, которое благодаря большому числу сохранившихся памятников всегда казалось изученным лучше, чем зодчество других русских земель, постепенно стало в этом отношении отставать. В связи с этим в 1978 г. был создан специальный новгородский отряд архитектурно-археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, который должен был вести систематические раскопки памятников новгородского зодчества XII—XIII вв.

В 1978 г. были произведены раскопки церкви Пантелеймона.¹⁰ Церковь эта, возведенная в 1207 г., не сохранилась, по местопо-

---

М.—Л., 1970, с. 84; *Аришовский А. В.* Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. — МИА СССР, 1949, № 11, с. 166; *Кацнельсон Р.* Древняя церковь в Перыном скиту близ Новгорода. — Архитектурное наследство, 2. М., 1952, с. 80—81.

⁶ *Орлов С. Н., Красноречьев Л. Е.* Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом. — В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967, с. 69—72; *Белецкий В. Д.* Поиски древнейшего памятника архитектуры средневекового Пскова — церкви Дмитрия Солунского. — Тез. докладов научной сессии, посвящ. итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 год, Л., 1966, с. 13—16.

⁷ *Каргер М. К.* 1) Памятники древнерусского зодчества. — Вести. АН СССР, 1970, № 9, с. 79—85; 2) Новгород, с. 70; *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 12.

⁸ *Кирпичников А. Н.* Архитектурно-археологические открытия в Старой Ладогe. — Археол. открытия 1975 г., М., 1976, с. 18; *Иоаннисян О. М., Гусева О. Г., Стеценко Н. К.* Раскопки в Никольском монастыре в Старой Ладогe. — Там же, 1978, М., 1979, с. 3.

⁹ *Штендер Г. М.* О ранних Феодоровских храмах древнего Новгорода. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977. М., 1977, с. 435.

¹⁰ *Раппопорт П. А., Пескова А. А.* Архитектурные раскопки в Новгороде. — Археол. открытия 1978 г., М., 1979, с. 32.

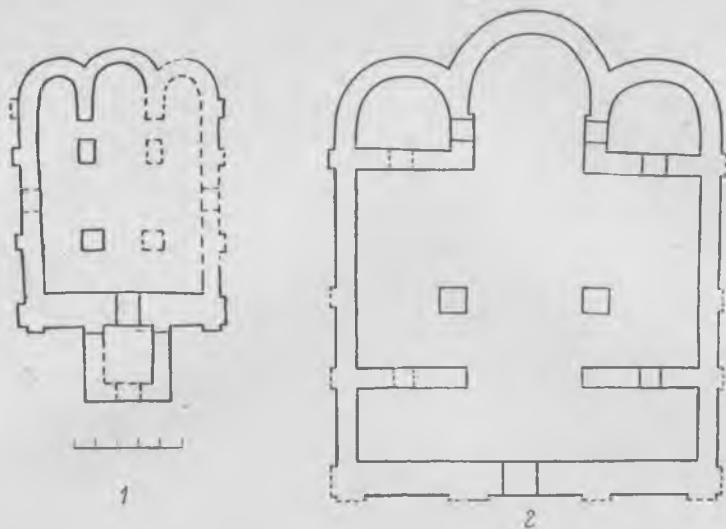

Рис. 1 Планы раскопанных храмов (реконструкция).

1 — церковь Пантелеймона в Новгороде; 2 — церковь Климента в Старой Ладoge.

ложение ее известно. Раскопки показали, что от древнего здания уцелели лишь нижние части стен, местами поднимающиеся до высоты 1 м, а во многих местах стены и даже фундаменты вообще не сохранились, и план церкви определялся только по фундаментам рвам, тем не менее общая плановая схема была установлена полностью (рис. 1, 1). Это очень небольшая четырехстолпная трехапсидная церковь, имеющая в длину 12.75 м при ширине 8.95 м. Западные столбы ее квадратные, а восточные более узкие, прямоугольные. На внутренних стенах лопаток нет, а наружные стены расчленены плоскими, довольно сильно выступающими лопатками. Толщина стен около 0.9 м, но западная стена была сделана толще (1.5 м), очевидно для размещения в ней лестницы для подъема на хоры. К западному фасаду примыкал небольшой притвор.

Стены церкви Пантелеймона сложены из чередующихся рядов известняковой плиты и кирпичей на растворе с цемянкой, а фундамент — из валунов на растворе без примеси цемянки. Глубина фундамента около 40 см. Пол церкви был покрыт слоем известкового раствора. Изнутри здания на нижних частях стен сохранились остатки штукатурки с фресковой росписью.

В 1979 г. произведены раскопки вокруг церкви Ивана на Опоках.¹¹ Раскопки, к сожалению, удалось провести лишь снаружи здания, поэтому его внутренняя структура осталась неисследо-

¹¹ Раппопорт П. А. Раскопки церквей в Новгороде и Старой Ладoge. — Археол. открытия 1979 г., М., 1980, с. 28.

ванной. Тем не менее достаточно детально изученный наружный коптур древнего храма позволяет судить о схеме его плана (рис. 2, 1). Выяснилось, что церковь Ивана на Опоках, построенная в 1127—1130 гг., уже в конце XII в. была полностью разобрана, а на ее фундаментах в 1184 г. возведена новая церковь, названная в летописи церковью Ивана «на Торговищи». В XIV в. к церкви с запада пристроили обширную паперть, а в XV в. вся постройка вновь была сломана. От церкви 1184 г. сохранили только самые нижние части стен, на которые положили новый фундамент храма, построенного в 1453 г.

Церковь 1127—1130 гг. представляла собой шестистолпный трехапсидный храм длиной 24,6 м и шириной 16 м. При перестройке в 1184 г. план здания был почти полностью сохранен, но западный фасад был отодвинут на 1,4 м к западу. Это изменение плана, очевидно, было связано с необходимостью утолстить западную стену для устройства в ней лестницы и в то же время не уменьшить при этом площади нартекса. В первоначальной церкви вход на хоры, видимо, осуществлялся по лестнице в башне, которая должна была занимать одно из угловых западных членений храма. Перед западным порталом церкви 1184 г. был возведен небольшой притвор.

Фундамент первоначальной церкви сложен из валунов на растворе и имеет глубину от древнего уровня поверхности 1,7 м. Стены как церкви 1127 г., так и 1184 г. имеют похожую структуру: они сложены из чередующихся рядов известняковой плиты и кирпичей на растворе с цемяпкой. При этом в кладке более древней церкви использованы плиты очень плотного серого известняка, а в более поздней — из красноватого ракушечника. Впрочем, при строительстве храма в 1184 г. широко использовали плиты и кирпичи разбираемой более древней постройки. Первоначальная церковь была расписана фресками, а более поздняя, по-видимому, не имела росписи.

В 1980 г. произведены раскопки у церкви Успения на Торгу.¹² Как и в предыдущем случае, раскопки удалось провести только снаружи здания, к тому же лишь в нескольких местах, поскольку пристройки на ряде участков не позволили приблизиться к контурам древнего храма (рис. 2, 2). Выяснилось, что в конце XIV в. облик церкви, построенной в 1135—1144 гг., существенно изменился из-за пристроек с северной, западной и южной сторон (быть может, галерея). В это же время были исполнены многочисленные вычинки древней кладки в нижних частях стен. В 1458 г. здание было сломано и на его основание (с учетом уже существовавших пристроек XIV в.) поставлена новая церковь. От древнего храма сохранились фундамент и нижние части стен на высоту от 0,2 до 1,2 м, а местами, по-видимому, еще несколько выше.

¹² Пескова А. А. Архитектурные раскопки в Новгороде. — Археол. отк. 1980 г., М., 1981, с. 23.

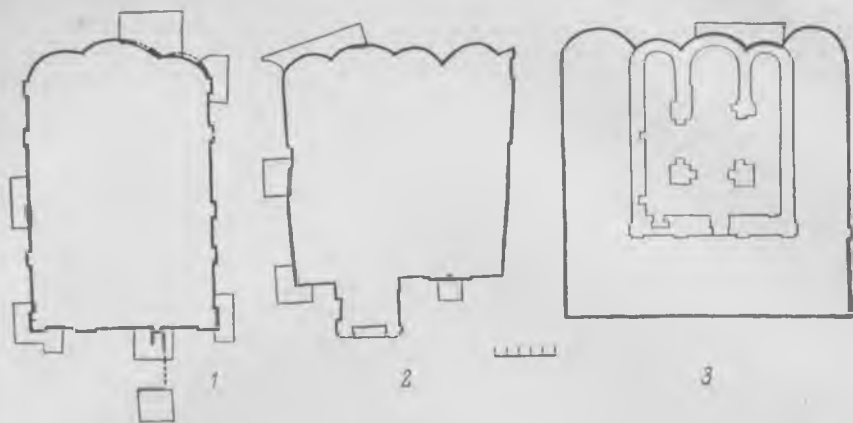

Рис. 2. Планы новгородских храмов с показанием участков выявленной древней кладки.

1 — церковь Ивана на Опоках; 2 — церковь Успения на Торгу; 3 — церковь Ильи на Славне.

Судя по изученным участкам плана, первоначальная церковь Успения представляла собой шестистолпный трехапсидный храм длиной 17,5 м и шириной 13,5 м. Ни у северо-западного, ни у юго-западного углов церковь не имела выступающей наружу башни; существовала ли башня внутри самого храма или здесь уже имелась лестница в толще стены, неизвестно.

Фундамент церкви сложен из валунов и пролит сверху известково-цемяночным раствором, а стены состоят из чередующихся рядов известняковых плит и кирпичей также на растворе с цемянкой. Кладка не вполне регулярная, с преобладанием плиты. При раскопках найдены мелкие фрагменты штукатурки с фресковой росписью.

Параллельно с раскопками в Новгороде в 1979—1980 гг. были полностью раскопаны остатки церкви Климента в Старой Ладогѣ.¹³ Церковь эта, возведенная в 1153 г., уже исследовалась, однако недостаточно детальная документация старых раскопок заставила провести повторное вскрытие памятника. Руины церкви оказались очень сильно разрушенными промоинами и ямами для добывания песка. Во многих местах остатки здания оказались полностью уничтоженными, и лишь на юго-западном углу уцелел участок стены, поднимающийся на высоту до 1 м. Несмотря на плохую сохранность, план здания определенно достаточно уверенно (рис. 1, 2). Это была трехапсидная церковь, имевшая в длину около 24 м при ширине около 18 м. Западная ее часть (нартекс) была отделена от основного помещения стенкой с тремя проемами. Западные подкуполные столбы квадратные в плане,

¹³ Раппопорт П. А. Раскопки церквей в Новгороде и Старой Ладогѣ. — Археол. открытия 1979 г., М., 1980, с. 29; Большаков Л. Н. Раскопки церкви Климента в Старой Ладогѣ. — Там же, 1980 г., М., 1981, с. 7.

а восточные не выделены как самостоятельные опоры и представляют собой углы стенок — продольных, разделяющих апсиды, и поперечных, идущих поперек боковых апсид. При таком плане боковые фасады имели членение лопатками не на 4, как обычно, а на 3 части. Следовательно, восточная часть храма была решена подобно таковой собора псковского Мирожского монастыря, т. е. с сильно пониженными боковыми апсидами. О сходстве с Мирожским собором свидетельствует также и пропорциональное построение плана храма, в частности, необычно большой размер подкупольного квадрата — около 5.5 м. Сопоставление раскопанного плана храма с остатками его рухнувшей западной стены, вскрытой раскопками В. И. Равдоникаса в 1938—1939 гг., позволяет получить достаточно ясное представление о композиции объема здания.

Фундаменты церкви Климента ленточные, сложенные из валунов на растворе, глубиной около 1.5 м. Стены возведены из чередующихся рядов известняковых плит и кирпичей на растворе с цемянкой. Пол храма известковый. Найдено много обломков штукатурки с фресковой росписью.

Одновременно с завершением раскопок церкви Климента были заложены шурфы перед боковыми порталами староладожской Успенской церкви. Шурфы показали, что перед северным порталом существовал такой же притвор, какой был ранее известен перед западным порталом церкви. Перед южным порталом притвора не было.

В 1981 г. раскопки проводились у церкви Ильи на Славне.¹⁴ Церковь, построенная в 1198—1202 гг., была полностью перестроена в 1455 г., причем галереи, примыкающие к зданию с трех сторон, позволили заложить шурф у стен древнего храма только у апсид (рис. 2, 3). От первоначального здания сохранились фундамент и нижние части стен на высоту несколько более $1\frac{1}{2}$ м (рис. 3). Кладка XV в. была положена непосредственно на древние стены и полностью совпадала с ними по плану. Это дает основания полагать, что план церкви XV в. достаточно точно соответствует плану древнего храма. В таком случае церковь, очевидно, была четырехстолпной трехапсидной, длина ее около 17.7 м при ширине около 13.5 м. Фундамент древней церкви сложен из валунов на растворе, глубина его 1.2—1.4 м. Кладка стен — из чередующихся рядов известняковых плит и кирпичей.

Одновременно с раскопками у церкви Ильи на Славне были заложены шурфы у восточной и южной стен Сретенской церкви при трапезной в Аптониевом монастыре. Задача этих исследований — выяснить, не стоит ли трапезная XVI в. на месте той трапезной, которая, судя по летописи, была построена в Антониевом монастыре в 1127 г. Раскопки показали, что никаких следов постройки XII в. здесь нет, следовательно, древняя трапезная находилась где-то в другом месте.

¹⁴ Руководитель раскопок Л. Н. Большаков.

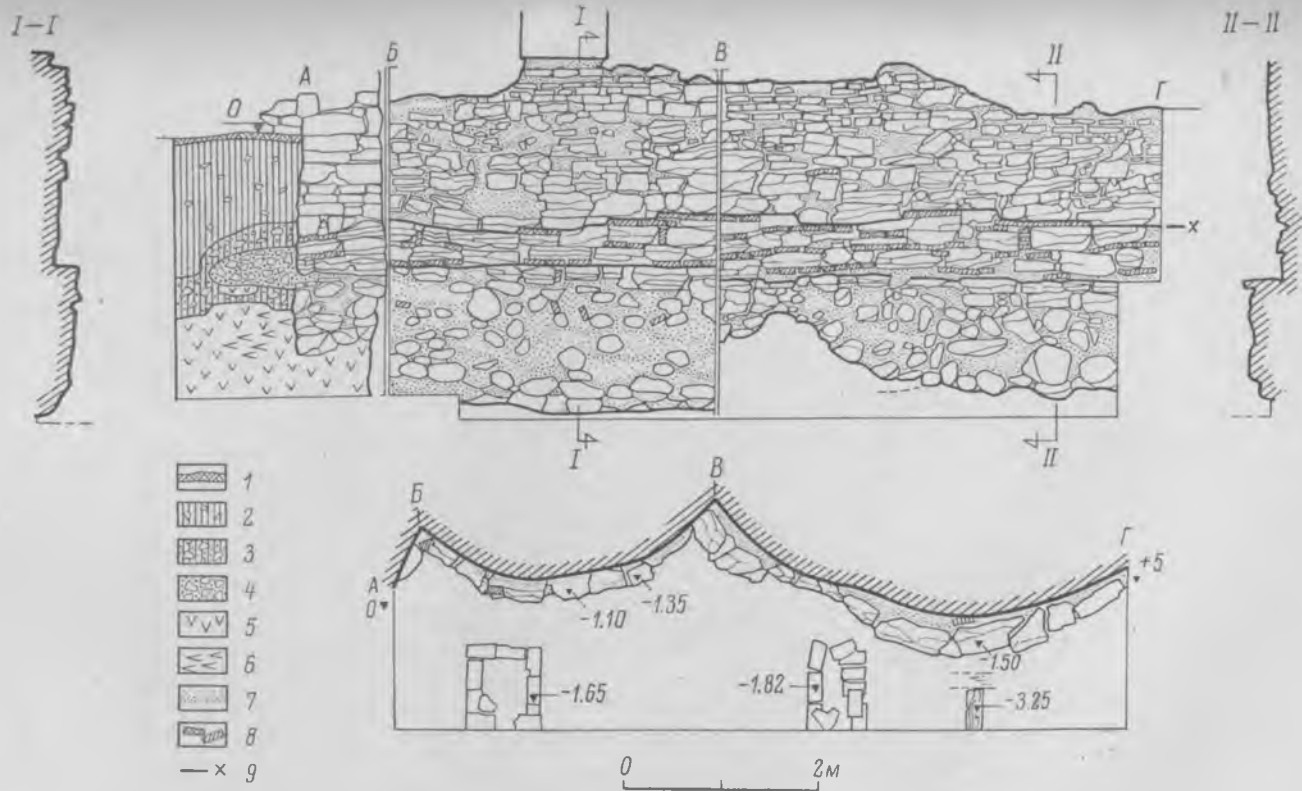

Рис. 3. Церковь Ильи на Славне. Шурф у апсид: развертка фасада, план и профили.

1 — дерн; 2 — серая земля со щебнем; 3 — серая земля с битым кирпичом и раствором; 4 — раствор, битый кирпич, камень; 5 — коричневая глина; 6 — угольки; 7 — раствор в кладке; 8 — плинфа; 9 — верхняя граница древней кладки.

В том же 1981 г. проведены раскопки в Спасском соборе Хутынского монастыря.¹⁵ Собор был построен в 1192 г., но в 1515 г. на его месте возведен новый, более обширный храм. Остатки древнего здания обнаружены шурфом у апсид храма XVI в., а внутри позднего собора удалось раскопать значительный участок западной стены собора XII в. Судя по величине и пропорциям раскопанных частей, древняя церковь была четырехстолпной и имела в длину по южному нефу около 20 м. Западная стена была толстой (1,65 м), очевидно для размещения в ней лестницы на хоры. В северном участке этой стены существовала небольшая камера. Перед западным порталом находился притвор. Фундамент древнего собора сложен из валунов на растворе, а стены — из чередующихся рядов плит и кирпичей. Глубина фундамента 0,6 м.

Таким образом, за последние 4 года было проведено археологическое изучение 6 памятников новгородского зодчества XII—XIII вв. В эти же годы в процессе реставрационных работ изучали еще и другие памятники: Николо-Дворищенский собор и Георгиевский собор Юрьева монастыря (Г. М. Штендер), псковский собор Ивановского монастыря (С. П. Михайлов); произвели обследование собора Мирожского монастыря (М. И. Мильчик, Г. М. Штендер). Полученные новые данные позволяют рассматривать процесс развития древнего новгородского зодчества гораздо более детально и разносторонне, чем раньше.

Одной из интересных особенностей развития древнерусской строительной техники является изменение формата кирпича (плинфы) соответственно хронологии построек. Исследователи уже давно использовали эту особенность как средство датировки памятников. В отдельных случаях, например на памятниках Смоленска, удалось даже создать шкалу достаточно точных датировок древних сооружений по формату их кирпича.¹⁶ По отношению к новгородской архитектуре такую работу проделал Г. М. Штендер. Он отметил, что формат кирпичей древних новгородских построек очень хорошо соответствует времени их возведения. Установленная закономерность отражена в опубликованных им таблицах.¹⁷ Увеличение числа обследованных памятников дает теперь возможность несколько уточнить эти выводы. Конечно, и сейчас еще далеко не во всех памятниках исполнен массовый промер кирпичей, позволяющий уверенно судить об основном формате, но все же уже можно попытаться, хотя бы предварительно, построить датировочную шкалу (рис. 4 и таблица).

Если предположить, что изменение формата кирпичей всех памятников Новгородской земли XII—XIII вв. представляет со-

¹⁵ Руководитель раскопок В. А. Булкин.

¹⁶ Раппопорт П. А. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича. — СА, 1976, № 2, с. 83.

¹⁷ Штендер Г. М. 1) О ранних Феодоровских храмах древнего Новгорода. — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977, с. 443; 2) «Деисус» Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. — В кн.: Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI—XVII вв. М., 1980, с. 86.

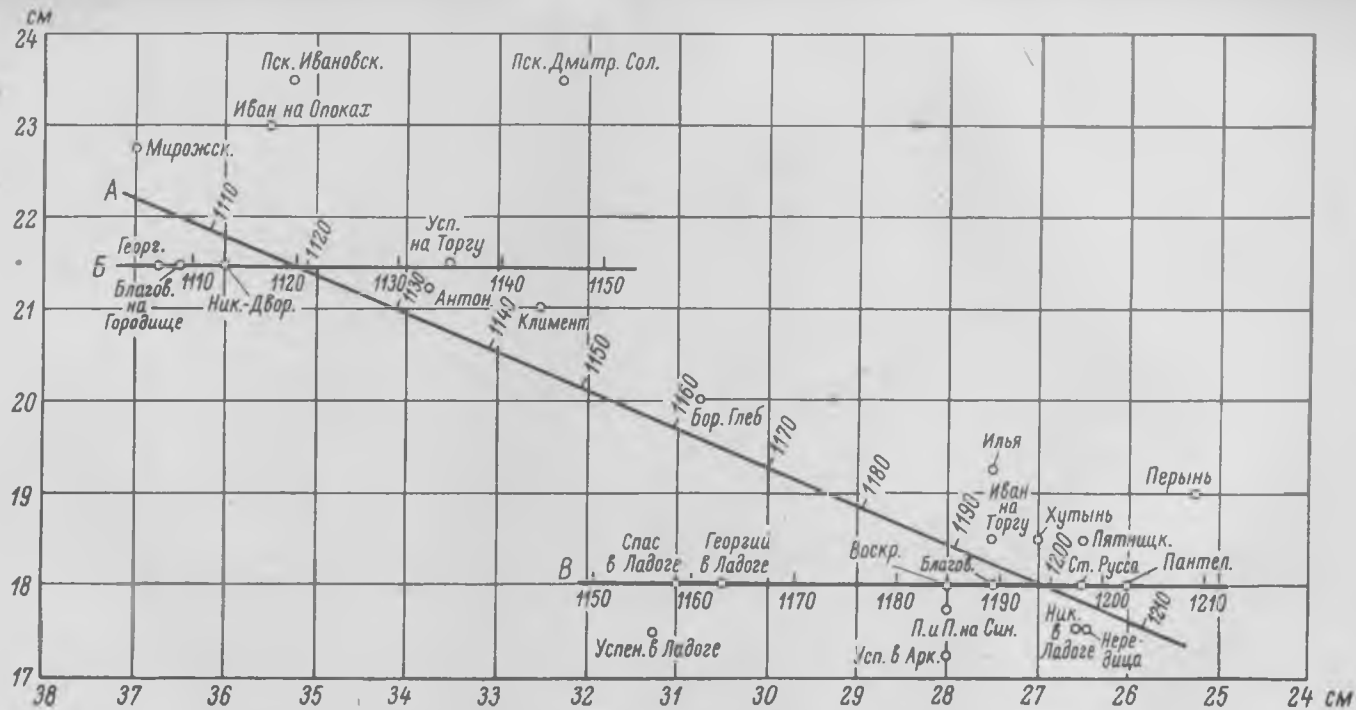

Рис. 4. Датировка памятников новгородского зодчества по размеру кирпича.

Датировка памятников новгородского зодчества по формату кирпича

Памятник	Размер кирпича, в см	Дата по летописи	Дата по формату кирпича		
			А	В	В
Церковь Благовещения на Гордище	35—38×20—23×4.0—5.5	1103	1109	1108	—
Николо-Дворищенский собор	35—37×21—22×4.5—5.0	1113	1113	1113	—
Собор Антониева монастыря	32.5—35×20.5—22×4.5—5.0	1117	1132	1133	—
Собор Юрьева монастыря	35.5—38×21.5×4.5—5.0	1119	1107	1106	—
Церковь Ивана на Опоках	35—36×22—24×5.0—5.5	1127	1111	1118	—
Церковь Успения на Торгу	32—34.5×21—22×4.5—5.0	1135	1133	1135	—
Церковь Бориса и Глеба в детинце	30.5—31×19—21×4—5	1167	1161	—	1161
Церковь Благовещения на Мячине	26.5—28.5×18×4.5—5.2	1179	1195	—	1189
Церковь Ивана на Торговищи	27—28×18—19×4.0—4.5	1184	1193	—	1189
Церковь Петра и Павла на Синичьей горе	27—29×17—18.5×4.5—5.0	1185	1192	—	1185
Церковь Успения в Аркажах	27—29×17—17.5×4.0—4.5	1188	1193	—	1185
Церковь Воскресения на Мячине	27—29×17—19×4.0—4.5	1195	1191	—	1185
Церковь Спаса-Нередицы	26—27×17—18×4.5—5.0	1198	1205	—	1198
Церковь Ильи на Славне	27—28×18.5—20×4.0—4.5	1198	1190	—	1189
Спасская церковь Хутынского монастыря	27×18.5×5	1192	1197	—	1194
Церковь Пантелеймона	26×17—19×3.5—4.5	1207	1207	—	1203
Пятницкая церковь	26—27×18—19×4.0—5.0	1207	1201	—	1198
Перынская церковь	24.5—26×18—20×4.0—5.5	—	1210	—	1209
Церковь Спаса в Старой Руссе	26—27×17.5—18.5×4.5	1198	1203	—	1198
Псков, собор Ивановского монастыря	34.5—36×22—25×4.5—5.5	—	1112	1120	—
Псковская церковь Дмитрия Солунского	31.5—33×23—24×5.0	—	1136	1146	—
Старая Ладога, церковь Климента	32—33×20.5—21.5×4.7—5.0	1153	1143	1144	—
Старая Ладога, церковь Успения	30—32.5×17—18×4.5—5.5	—	1166	—	1156

Памятник	Размер кирпича, в см	Дата по летописи	Дата по формату кирпича		
			А	Б	В
Старая Ладога, Спасская церковь	31×18×4.5	—	1166	—	1158
Старая Ладога, церковь Георгия	30—31×17—19×4.5—5.5	—	1170	—	1163
Старая Ладога, Никольский собор	26—27×17—18×6.5—7.0	—	1205	—	1198
Исков, собор Мирожского монастыря	36—38×22.5—23×4.5—6.5	—	—	—	—

бой единый процесс, то, очевидно, следует установить и общую шкалу датировок (рис. 4, А). Для градуирования этой шкалы можно взять Николо-Дворищенский собор в начале и церковь Пантелеймона в конце шкалы. В таком случае из 19 памятников, у которых известны даты возведения и формат кирпича, 8 получат даты с точностью до 5 лет, а еще 7 — до 10 лет, т. е. с вполне допустимой погрешностью. Остальные 4 памятника датируются с ошибкой от 12 до 16 лет. Однако рассмотрение таблицы формата новгородских кирпичей показывает, что здесь имеются две достаточно четкие группы: одна имеет кирпичи шириной около 21—22 см, в то время как в другой ширина кирпичей близка к 18 см (в обоих случаях с отклонениями большей частью до 1 см). Поэтому, видимо, правильнее иметь две самостоятельные шкалы датировок. В первой шкале (рис. 4, Б) для градуирования можно использовать Николо-Дворищенский собор и церковь Успения на Торгу, во второй (рис. 4, В) — церковь Петра и Павла на Синичьей горе и церковь Спаса-Нередицы. Шкалы эти оказываются продолжением друг друга, не различаясь даже ценой делений. При таких шкалах из 19 рассматриваемых памятников уже 10 будут датироваться с точностью до 5 лет, а 7 — с точностью до 10 лет и только 2 памятника получают неверные даты: Георгиевский собор с ошибкой в 13 лет, а собор Антониева монастыря даже 16 лет. Однако собор Антониева монастыря и в отношении его архитектурных форм резко выделяется среди более или менее синхронных ему памятников. Вероятно, и отклонения в формате кирпича здесь тоже не случайны, и следует задуматься над тем, какие изменения в организации производства могли быть связаны с возведением этого храма. Особое место в шкале изменений размеров кирпича занимает собор псковского Мирожского монастыря. Кирпичи этого собора совершенно не подчиняются закономерности, характерной для эволюции кирпичей в новгородском зодчестве. Видимо, руководивший строительством греческий

зодчий задал местным «плинфотворителям» привычный ему формат кирпичика.

Наличие нескольких исключений не меняет общей картины, и достаточно точное совпадение дат подавляющего большинства рассматриваемых памятников позволяет использовать принятые нами шкалы для датировки тех памятников зодчества Новгородской земли, которые не имеют летописных сведений о времени возведения.

Привлечение к исследованию значительного числа ранее не изученных памятников позволяет наметить более детальную картину развития новгородского зодчества в XII—XIII вв. Известно, что после завершения Софийского собора монументальное строительство в Новгороде прервалось, поскольку мастера, возводившие собор, очевидно, вернулись в Киев. Начало систематического монументального строительства в Новгороде относится уже к первым годам XII в. Здесь были возведены церковь Благовещения на Городище (1103), Никольский собор на Ярославовом дворище (1113), собор Антониева монастыря (1117) и собор Юрьева монастыря (1119). Эти памятники, несомненно, несут еще черты киевской архитектурной традиции, хотя в них уже видны некоторые особенности, отличающие их от киевских храмов. В первую очередь эти особенности сказываются в строительной технике — широком применении местной известняковой плиты в сочетании с кирпичом, а также в очень стройных пропорциях храмов, очевидно, отражающих влияние новгородского Софийского собора. Наиболее ярко новые черты проявились в соборе Антониева монастыря, во многом как бы предвосхитившем особенности самостоятельной новгородской архитектурной школы.¹⁸ Судя по схеме плана, к памятникам того же круга примыкала церковь Ивана на Опоках, вероятно, также и церковь Успения на Торгу. Вплоть до 1130 г., когда завершили возведение церкви Ивана на Опоках, строительство в Новгороде велось непрерывно: сразу же по окончании каждого храма (на что уходило обычно около 3 лет) закладывали следующий. Однако церковь Успения на Торгу начали строить не сразу, а только через 5 лет, и постройка ее растянулась на 9 лет, после чего в течение 22 лет в Новгороде вообще не возводили каменных зданий. И как раз в это время началось монументальное строительство в Пскове, причем в той же типично новгородской технике. Очевидно, именно туда перевели новгородскую строительную артель.

В построенных в Пскове соборе Ивановского монастыря и церкви Дмитрия Солунского продолжается развитие новшеств, заложенных еще в новгородском соборе Антониева монастыря. Так, в Ивановском соборе вместо лестничной башни введена лестница в толще западной стены, отсутствуют декоративные

¹⁸ *Комеч А. И.* Два направления в новгородской архитектуре XII в. — В кн.: Средневековое искусство. Русь, Грузия. М., 1979.

двухступчатые пилы на фасадах (кроме западного фасада), крестчатые в плане столбы заменены шестигранными и круглыми, отсутствуют лопатки в интерьере. В церкви Дмитрия Солунского применили уже сокращенный, т. е. четырехстолпный, вариант храма. Кроме этих двух построек, в Пскове в 30—40-е гг. XII в. возвели Троицкий собор и собор Мирожского монастыря. Спасский собор Мирожского монастыря завершает собой этап псковского строительства: согласно исследованию М. И. Мильчика и Г. М. Штендера, собор был построен в конце 40-х—начале 50-х гг. Здание имело отчетливо выраженную снаружи крестообразную схему. Очевидно, строительством руководил какой-то греческий зодчий, хотя, судя по строительной технике, возводили здание новгородские строители. Сразу же после завершения здания пониженные западные углы его были надстроены, что сближало Мирожский собор с более привычным на Руси архитектурным типом церквей.

После окончания Мирожского собора новгородский архиепископ Нифонт перевел строительную артель, работавшую в Пскове, в Ладогу. Здесь в 1153 г. возвели церковь Климента. В этом памятнике зодчие сделали существенный шаг в дальнейшей разработке самостоятельных новгородских архитектурных форм. Церковь Климента повторяла схему Мирожского собора, но уже с надстроенными угловыми членениями и добавленным с запада нартексом. Лестница на хоры размещена в толще западной стены. Западные подкупольные столбы квадратные в плане, лопаток на внутренних стенах нет. Здесь сложились уже все формы, которые характерны для новгородской архитектурной школы. Оставалось только отказаться от заимствованного у Мирожского собора приема решения восточной части с резко пониженными боковыми апсидами и возвратиться к привычной для русского зодчества обычной трехапсидной схеме. Это было сделано в следующих ладожских постройках — церквях Успения, Спасской, на р. Ладожке и Георгиевской.

Последняя по времени ладожская церковь — церковь Георгия — была возведена в 60-х гг. XII в. После этого монументальное строительство в Ладоге прервалось, но зато возобновилось в Новгороде. Начиная со второй половины 60-х гг. строительство в Новгороде ведется уже непрерывно. Сложившиеся в Ладоге особенности архитектурной школы были полностью перенесены в Новгород: тот же вариант типа храма, те же декоративные элементы, конструкции и материалы. Церкви Благовещения на Мячине (1179), Успения в Аркажах (1188), Спаса в Хутынском монастыре (1192), Воскресения на Мячине (1195), Кирилла (1196), Ильи на Славне (1198), Спаса в Старой Руссе (1198) отличаются друг от друга лишь размерами, пропорциями, некоторыми деталями. Все эти церкви построены уже не князьями; как правило, это боярское строительство. Единственная церковь, построенная по заказу князя — церковь Спаса-Нередицы (1198), — ничем не отличается от остальных. И даже церковь Петра и

Павла на Синичьей горе (1185), возведенная, судя по технике кладки, не новгородскими, а полоцкими каменщиками, тоже повторяет как тип, так и декоративные элементы прочих новгородских храмов. Единственным исключением является церковь Бориса и Глеба в детинце, построенная в 1167 г., сразу же после возобновления строительной деятельности в Новгороде. Это большой шестистолпный храм с лестничной башней, полностью повторяющий схему плана памятников более ранней поры. Является ли тип этой церкви сознательной архаизацией или же церковь была заложена еще в 1146 г. (такая дата есть в летописи), а в 1167 г. только достроена, смогут ответить только новые археологические раскопки.

В конце XII в. в русском зодчестве слагается новое архитектурное направление, охватившее все архитектурные школы Древней Руси, хотя в каждой школе отразившееся в своих, специфических формах.¹⁹ Лишь в Новгородской земле в зодчестве не происходит никаких изменений. Сложившийся здесь архитектурный тип храма, лаконичный по формам и деталям, экономичный, позволяющий возводить здание за один строительный сезон, очевидно, удовлетворял эстетическим представлениям новгородских зодчих и вкусам заказчиков. Новгородские памятники конца XII в. еще полностью повторяют как тип, так и формы, сложившиеся в середине века. Построенная в 1207 г. церковь Пантелеймона сохранилась только в самых нижних частях, но отсутствие существенных изменений в плановой схеме позволяет думать, что и в объемной композиции здесь не произошло заметных перемен. Эта консервативность форм новгородской архитектуры, вероятно, перестала удовлетворять некоторых заказчиков, знакомых с зодчеством других русских земель. В 1207 г. корпорация купцов, ведших иноземную торговлю, заказала постройку Пятницкой церкви в Новгороде не новгородским, а смоленским зодчим. Возведенный в Новгороде яркий памятник смоленской архитектурной школы не мог не оказать влияния на творчество новгородских строителей, и они заимствовали из Пятницкой церкви некоторые типологические особенности — трехлопастное завершение фасадов, одноапсидность. Однако эти особенности они интерпретировали в типично новгородском духе, создав лаконичный до аскетизма храм — Перыньскую церковь.

Памятники новгородской архитектуры первой трети XIII в., к сожалению, еще археологически не раскрыты, поэтому Перыньская церковь пока является единственным примером нового архитектурного направления в новгородском зодчестве. К 30-м гг. XIII в. в связи с тяжелым военно-политическим и экономическим положением монументальное строительство в Новгороде вновь было прервано. Так рисуется сейчас картина развития новгородской архитектуры XII—XIII вв. по итогам новых исследований.

¹⁹ Раннопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков. — В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 12.